

Российский опыт

Русское православие сегодня

Владимир Николаевич ЛЕКСИН

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт системного анализа ФИЦ «Информатика и управление» РАН. Адрес: 117312, Москва, Проспект 60-летия Октября, д. 9. E-mail: leksinvn@yandex.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Лексин В.Н. (2018) Русское православие сегодня // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 4. С. 65–82. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-4-65-82

АННОТАЦИЯ. Русское православие – один из самых мифологизированных и трудных для научных исследований фрагментов общественной жизни современной России. Так, до сих пор бытуют утверждения о всеобщей православности русского народа, поскольку государственная статистика практически не характеризует состояние религиозности населения и его различных групп (редкое исключение – немногие показатели в отчетах о периодических переписях). К тому же исследователь постоянно сталкивается с полярными оценками одних и тех же ситуаций в русском православии в публикациях его непримиримых противников и апологетов, а анализ дихотомии «религиозность/секуляризм» часто выходит за границы научных обсуждений. Вместе с тем эти трудности не стоит преувеличивать. Появились замечательные труды отечественных социологов, характеризующие фактическую религиозность наших современников, началось становление церковной статистики, достоверные сведения о реальных событиях в православной жизни стали регулярно публиковаться в материалах соборов и епархиальных собраний, все более информативными и аналитическими становятся православные СМИ (в том числе – в Интернете) и т.д. Эйфория в связи с легали-

зацией религиозной жизни в России проходит, отношение к происходящему в среде РПЦ (клир и миряне) делается все более реалистичным, а проблемные ситуации становятся предметом открытых дискуссий и для большинства из них находят соответствующие решения. При всей неизбежности оснований православия, динамизм современной православной жизни, как показано в статье, весьма высок. Русское православие далеко и разнообразно выходит за пределы церковных оград. В предлагаемой читателю статье предпринята попытка краткого освещения лишь нескольких особо дискуссионных или редко анализируемых сторон этого явления. Это – оценки числа людей, живущих православной жизнью, параметры стремительного расширения институтов церкви и численности клира, нововведения в части церковного образования, отношение РПЦ к инославию и иноверию, проблемы реального отделения церкви от государства и место православия в современной культуре. Роль РПЦ в общественной и политической жизни России отчетливо контрастирует с ситуацией в ряде стран Запада, и это представляется одной из существенных и, к сожалению, мало акцентированных проблем современного политологического анализа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *русское православие, верующие, клир, инославие, инновации, государственная власть, культура*

Постановка проблемы

Начавшуюся в конце 80-х гг. XX в. легализацию православной жизни в России часто называют «православным Ренессансом», но это понятие весьма условно, и Патриарх Алексий II, оценивая новейшие перемены в этой жизни, не случайно утверждал, что России нужна вторая христианизация. Да, русское православие в течение столетий доказало уникальную жизнеспособность, а Русская Православная Церковь (далее – РПЦ) как его институциональная основа – неизменное (открытое и латентное) влияние на протекание политических и социально-экономических процессов. Почти необсуждаемым стало представление о русском православии как об активном факторе формирования русской ментальности и культуры, традиционных ценностей и межличностных отношений, организации коллективного бытия и российской государственности. При этом все составляющие русского православия были и остаются исключительно динамичными, и по этой причине ему свойственны периоды раскола и кризисов, сближения и расхождения с государственной властью, взлетов богословской мысли и мирского охлаждения, жизни в подполье и нового воцерковления, противоречия так называемого «официального» и «народного» православия. Современное бытие русского православия (конец XX – первое десятилетие XXI вв.) одновременно и целостно в своем отличии от предстоящих периодов, и внутренне разнородно, а его количественные и качественные характеристики не всегда совпадают. Генезис специфики современно-

го русского православия, его внешние и внутренние признаки, тенденции их накопления и трансформации не имеют аналогов ни в отечественной церковной истории, ни в процессах функционирования мировых религиозных систем нового времени.

Русское православие как феномен особого религиозного мироощущения, богослужебной практики и бытового поведения верующих – предмет давних и плодотворных исследований богословов и религиоведов, философов и социологов, историков и этнологов, а в последнее время и политологов. Перечень их наиболее часто цитируемых работ насчитывает около двух сотен книг и статей. Примером подлинно системного анализа проблемы личности и смысла жизни в русской православной традиции могут служить публикации доктора исторических наук Т.Б. Коваль, квинтэссенцией которых стала глава в книге о российской цивилизации, где автор последовательно рассматривает источниковедческую базу исследования, его богословские основы, церковный опыт (лики святости, монашеский идеал, смирение и послушание, отречение от мира и радикализм русского духа, смысл жизни в свете смерти) и проблему личности в современных официальных документах РПЦ [Коваль 2015, с. 191–237].

Задача настоящей статьи – представить читателю состояние русского православия сегодня и, отойдя от анализа его исторических судеб и движения богословской мысли, сосредоточиться на реалиях необычайно подвижной и постоянно обновляемой православной повседневности. Эта задача по ряду объективных обстоятельств трудна и в самой постановке, и, тем более, в решении.

Во-первых, состояние современного православия относится к вопросу общественной жизни, освещаемому

с принципиально различных позиций; здесь взвешенные оценки – редкость, и, к сожалению, в различных публикациях и в Интернете часты как агрессивные и снисходительные филиппики, так и прямолинейные апологии веры, причем и первое, и второе зачастую транслируется людьми, либо не имеющими собственного опыта православной жизни, либо упрощенно и фанатично воспринявшими ее азы. Поэтому становится необходимым корректное различение сути происходящего в русском православии и словесных баталий по этому поводу.

Во-вторых, зарождающаяся церковная статистика позволяет количественно охарактеризовать некоторые стороны деятельности православных институтов (например, число храмов, состав и численность клира, хронологию богослужебной деятельности), но не состояние религиозности прихожан, не условия мирской жизни клира или причины резко различного материального положения храмов и монастырей в городах и всех России. Вне официальной церковной статистики пока что находятся мощные пласты православной жизни, и здесь часты субъективные оценки даже ее масштабов, чему способствует и чрезмерно вольная трактовка самого понятия православности (поэтому, в частности, столь значительны расхождения в оценках численности православных – от 80 до 1% населения России).

В-третьих, мало изучены новейшие изменения в религиозной жизни России, например сосуществование спокойно эволюционирующего русского православия с всесторонне активным исламом, набирающие силу новые религиозные движения и, главное, бытовой отход от традиционных ценностей во всех сферах общественной жизни. Наконец, что весьма существенно, оставаясь в канонической неизменно-

сти, качественно иными становятся и священнослужители, и миряне. Это делает весьма проблематичными прямые сопоставления современного православия с его недавним (по историческим меркам) прошлым.

В связи с вышесказанным, в предлагаемом читателю тексте диагностика современного состояния русского православия ограничивается кратким экскурсом в наиболее дискуссионные вопросы: о действительной численности православных в современной России, о масштабах и трендах институциональных преобразований внутри РПЦ, об ее отношении к инославию и к иноверию, об ее взаимоотношениях с государственной властью и о православной культуре нашего времени. Оценки и выводы во всех случаях представлены на основе доступных публикаций и результатов собственных исследований.

Современные православные – сколько и какие

Государственная статистика по вопросам, связанным с современной религиозностью граждан России, безмолвствует. Эта ситуация осознана духовенством РПЦ; еще два года назад, выступая с докладом на Архиерейском Соборе в Москве, Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл отмечал: «Проведена кропотливая и непростая работа по уточнению статистики. Была создана новая форма отчетности, которая предполагает сообщение в Московскую Патриархию полных перечней храмов, часовен, монастырей, включая много сопутствующих сведений: это, к примеру, частота совершения Литургии, количество совершенных за год крещений, в отношении каждого храма – наличие или нет воскресной школы, и многое другое. Благодаря этому у нас впервые появилась

единая комплексная база данных всех храмов Русской Православной Церкви на территории России. В дальнейшем эта база данных будет по возможности постепенно расширена на епархии других стран. Новая методология позволила выявить некоторые ошибки в прежних подсчетах¹. Как уже отмечалось, такая статистика пока что недостаточно характеризует степень фактической православности тех, кто называет себя верующими, но в оценке этого преуспели наши социологи [Чеснокова 2005; Синелина 2006]².

Перечень светских специалистов (преимущественно социологов, этнологов, историков и религиоведов), профессионально изучающих различные аспекты религиозности в России, судя по публикациям, насчитывает несколько десятков человек. Абсолютно самостоятельным направлением на рассматриваемом предметном поле представляются исследования сложнейших философско-исторических проблем формирования религиозного сознания и социологии религии, проводимые Е.С. Элбакян [Элбакян 1996; Элбакян 2009, с. 30–35; Элбакян 2012, с. 24–40; Элбакян 2013, с. 90–103; Элбакян 2014]. Бесспорно научным подвигом следует считать издание энциклопедий и атласов современной религиозной жизни, не имевших до сих пор аналогов в отечественной науке³. В подготовке и на-

писании статей для этих изданий особая роль принадлежит С.Б. Филатову и Р.Н. Лункину, трудами которых во многом созданы социо-политико-религиоведческие портреты регионов России с анализом состояния, проблем и институтов самых различных (как традиционных, так и новых) религиозных движений, их отношений с местными администрациями и друг с другом. Р.Н. Лункин и С.Б. Филатов активно работают, и их публикации, чаще всего основанные на результатах полевых исследований, содержат огромный объем информации, в том числе впервые введенной в научный оборот⁴.

Примером жесткой и нелицеприятной оценки современной русской православности могут служить работы директора Института Лютеранской Церкви Финляндии, профессора Хельсинкского университета К. Каарияйнена и доктора исторических наук, профессора, главного научного сотрудника Института Европы Д.Е. Фурмана [Каарияйнен, Фурман 2001]⁵. Основываясь на этих результатах, авторы утверждают, что «хорошее отношение к РПЦ, доверие к ней и выбор хороших качеств для характеристики православных священников имеет в громадной мере “априорный” характер, поскольку реально в какие-либо контакты с РПЦ вступает крохотное меньшинство». Ав-

1 Доклад Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 2 февраля 2016 г. (2016) // Patriarchia.ru // http://p2.patriarchia.ru/2016/02/02/1238671510/doklad_AS_2016.docx, дата обращения 18.08.2018.

2 Методические разработки были начаты в 1990-х гг. и впервые в полном объеме представлены в 2000 г. в монографии «Воцерковленность: феномен и способы ее изучения» [Чеснокова 2000, с. 112–145].

3 См., например: Бурдо М., Филатов С.Б. (ред.) (2004–2006). Современная религиозная жизнь России: Опыт систематического описания: Энциклопедия: В 4 т. М.: Университетская книга, Логос; Бурдо М., Филатов С. (ред.) (2005–2009). Атлас современной религиозной жизни России: В 3 т. М., СПб.: Летний сад; Филатов С., Бурдо М. (ред.) (2011). Религия и российское многообразие. СПб.: Летний сад; Филатов С., Бурдо М. (ред.) (2011). Религия и российское многообразие. СПб.: Летний сад; Филатов С.Б. (ред.) (2012). Религия и российское многообразие. М.: Костонский институт, Летний сад; Филатов С. (ред.) (2014) Религиозно-общественная жизнь в российских регионах. Т. 1 (планируется 7 томов). СПб.: Летний сад.

4 См., например: [Лункин, Филатов 2005, с. 35–45; Лункин, Филатов 2011, с. 5–30; Лункин 2003, pp. 271–287; Лункин 2008, с. 27–37; Лункин (1) 2013, с. 273–295; Лункин (2) 2013, с. 186–208].

5 См. также: [Kaariainen 1998; Kaariainen, Furman 1997, с. 35–53].

торы «отобрали лиц, которые: 1) идентифицируют себя как верующих; 2) верят в Бога, с которым можно вступить в личные отношения (а не в “жизненную силу”); 3) считают себя православными и 4) или а) посещают церковь не реже раза в месяц, или б) часто молятся. Это – как бы “ядро” более широкой и аморфной группы “верующих” по самоидентификации, входящих в которое людей мы условно назвали «традиционными верующими». Доля последних в числе всех верующих, по расчетам К. Каариайнена и Д.Е. Фурмана, в 1991 г. составила 13%, в 1996 г. – 18%, в 1999 г. – 17,5% и в 2005 г. – 16,6%. При этом не только сознание и поведение всех «верующих», но и сознание и поведение «традиционных верующих» – не слишком ортодоксальны. Например, «13% из них (данные 2005 г.) вообще никогда не причащались, только 50% верят и 30% не верят в воскресение мертвых, 15% даже не верят в загробную жизнь, зато 44% верят в астрологию (больше, чем среди всех опрошенных – 42%), 40% твердо верят, что жизнь человека предопределена... Во все древние дохристианские и даже новые суеверия они верят значительно больше, чем опрошенные в целом и чем верующие в целом... Вера традиционных верующих в громадной мере – “суеверная”, в которой элементы христианской системы соединены с самыми разными архаическими представлениями... Тем не менее, даже при наших “либеральных” критериях отнесения опрошенных к этой группе она представляет собой незначительное и очень мало растущее меньшинство».

Любопытны сведения МВД (традиционно обеспечивающего правопорядок около храмов во время их массовых

посещений в великие православные праздники) о посетивших пасхальные и рождественские богослужения⁶. На пасху в 2016 г. сотрудники МВД зафиксировали приход 4 млн чел., или 2,7% от населения России (для сравнения, в млн чел.: в 2004 г. – 4,9, в 2006 г. – 5,0, в 2007 г. – 6,0, в 2008 г. – 7,0, в 2009 г. – 4,5, в 2012 г. – 7,1, в 2013 г. – 4,0), при том что значительная часть пришедших не участвовала в литургическом богослужении и ограничивалась освящением куличей, постановкой свечей и т.п. По тем же данным значительно меньше посещают храмы во время рождественских богослужений – 2,6 млн чел. в 2016 г.

Региональная структура российской религиозности, опять же по данным социологов, была исследована в ходе Всероссийского репрезентативного опроса (анкета опроса: служба «Среда»; полевые работы: Фонд «Общественное мнение», МегаФОМ 2012 г., охват 98,8% населения РФ в возрасте от 18 лет и старше). Опрос проводился в 79 регионах страны, и при общем числе 56 900 респондентов в каждом субъекте РФ опрашивалось 500–800 чел. по месту их жительства (технология *face-to-face*). Результаты опроса подтвердили, что всего лишь 5% населения, называющие себя православными, регулярно посещают храмы при все большем распространении «постправославных верований». И это еще раз подтверждает необходимость различать оценки религиозности, основанные на принципах этничности (отождествление религиозности с национальностью), на соотнесенности религии с соответствующей культурой, на религиозной самоидентификации (считают, что таких православных 75–85 млн) и на фак-

6 Данные о посетивших пасхальные богослужения в 2016 г. (2016) // Sova-center.ru // <https://www.ova-center.ru/religion/discussions/how-many/2016/05/d34454/>, дата обращения 18.08.2018

тах действительно религиозной жизни («практикующие верующие») тех, кого В.Ф. Чеснокова и Ю.Ю. Синелина называли «воцерковленными».

При оценках уровня православной религиозности исключительно важно учитывать то, что современные верующие по многим основаниям представляют принципиально новую паству по сравнению с многочисленной дореволюционной и с небольшой – советского периода. Они – более горожане, чем сельские жители, и не только потому, что Россия стала высокоурбанизированной страной; по данным социологических исследований, да и по собственным наблюдениям, приходская жизнь в городах, особенно в крупных, шире и активнее, чем в сельских поселениях (напомню, что христианство начиналось в крупногородских общинах). Есть и еще одно существенное отличие: молодая и средневозрастная паства Русской Православной Церкви начала XXI в. – не только не крестьянская, но и не рабоче-крестьянская. И это – закономерно. Десятки лет назад создатель «Хроник Нарнии» К.С. Льюис, которого Епископ Диоклийский Каллист назвал «анонимным православным», писал: «В наши дни очень трудно обратиться необразованного человека...» [Льюис 2006, с. 248].

Изменения половозрастной структуры приходящих в храмы мало изучены, но многолетние наблюдения и сведения, полученные от коллег, свидетельствуют о достаточно типичной схеме: повсеместные и все более частые крещения младенцев, наполненность храмов малолетними детьми, почти исчезновение их (часто – вместе с родителями) в самом сложном подростковом возрасте, примерное равенство пожилых

(в основном женщин, что не удивительно, ибо Россия – «страна вдов») и средневозрастных прихожан и постепенное увеличение среди них числа мужчин.

Институты русского православия

Структура институтов РПЦ постоянно расширяется, что стало еще одним дискуссионным предметом обсуждения современного состояния русского православия. Статистика этого вопроса в последние годы общедоступна, но самым надежным источником соответствующих данных стали периодические доклады иерархов РПЦ на архиерейских соборах и епархиальных собраниях, что позволяет представить как динамику функционирования церковных институтов за ряд лет, так и позицию РПЦ по оценке не только позитивных перемен, но и разного рода нестроений – поводов для будущих институциональных и богослужебных новаций. В этом отношении показателен доклад Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на Архиерейском Соборе РПЦ 3 октября 2004 г.⁷, в самом начале которого утверждалось: «сегодня одна из главнейших задач нашей Церкви в области пастырской деятельности – научить народ не бояться быть верующим, открыто и последовательно свидетельствовать о своей вере... Перед Церковью современные изменения в культурной и интеллектуальной сферах жизни ставят новые задачи. Многие из нас, священнослужителей, склонны успокаиваться, поскольку открытые гонения прекратились и в наших церковных общинах наблюдается приток новых членов. Порой нам кажется, что теперь с религией “все в порядке” и всякий, кто изъявляет желание уча-

7 Доклад Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 3 октября 2004 г. (2008) // Patriarchia.ru // <http://www.patriarchia.ru/db/text/420130.html>, дата обращения 18.08.2018.

ствовать в церковной жизни, может свободно прийти в Церковь и сделать свой вклад в возрождение ее жизни».

«В целом, – говорил Патриарх, – статистика показывает общую тенденцию к развитию всех составляющих епархиальной и приходской жизни. Однако не стоит забывать о том, что количественный рост отнюдь не всегда свидетельствует о высоком качестве организации деятельности перчисленных церковных структур».

Патриарх сообщил в связи с этим, что с февраля 2016 г. по конец ноября 2017 г. была совершена 31 архиерейская хиротония, и епископат РПЦ увеличился на 23 архиерея (по сравнению с началом 2009 г. – увеличение на 177 архиереев) и общее их число составило 377, из которых правящих архипастырей – 293. В конце 2017 г. РПЦ объединяла 303 епархии (на 10 больше, чем в 2016 г., и на 144 больше, чем в 2009 г.)⁸. Были созданы также три новые митрополии, и их число достигло 60. В начале 2017 г. штатное духовенство РПЦ, включая дальнее зарубежье, состояло из 39 414 клириков, включая 34 774 пресвитера и 4 640 диаконов. За год штатное духовенство приросло на 521 клирика (стабильный показатель за последние годы). Они служат в 36 878 храмах или иных помещениях, в которых совершается Божественная литургия (рост за год – 1340 храмов). Стало больше и мужских монастырей (462, на 7 больше, чем в прошлом году), и женских (482, рост за год на 11). В дальнем зарубежье действовали более 900 приходов и монастырей РПЦ, включая приходы Русской Зарубежной Церкви.

Масштабы храмового строительства лучше всего характеризует ситу-

ация в Москве, где кроме реставрации существующих и воссоздания утраченных храмов реализуется широко известная «программа 200» (строительство двухсот новых церковных зданий и комплексов). В докладе Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на епархиальном собрании города Москвы (21.12.2017) приведены данные об общем числе «храмов и часовен в епархии града Москвы» на конец 2017 г.⁹, – тогда их насчитывалось 1154¹⁰.

В РПЦ постоянно растут и меняют формы деятельности институты социального служения и благотворительности. В епархиях ежегодно реализуются 150–200 новых социальных проектов, а в конце 2017 г. действовало (включая дальнее зарубежье) 566 групп милосердия, 328 добровольческих объединения и 453 сестричества. На территории России функционировало около сотни приютов для бездомных и 460 благотворительных столовых, а при большинстве храмов установилась традиция адресной помощи остро нуждающимся и лишенным крова. В 2011 г. был открыт первый приют для беременных женщин, находящихся в трудном материальном положении, а к концу 2017 г. их стало более пятидесяти, не считая открытия более ста центров гуманитарной помощи (средства для них собираются во всех храмах страны) и институтов поддержки алко- и наркозависимых. Для них ежегодно открываются 5–10 церковных реабилитационных центров, и в конце 2017 г. действовало 75 таких центров.

Одной из важнейших задач РПЦ становится работа с молодежью, о ма-

8 Епархий больше, чем правящих архиереев, поскольку некоторые епархии в Дальнем зарубежье (например, Венская и Гагская) находятся в управлении архиереев других епархий или викариев Московской епархии.

9 Доклад Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на епархиальном собрании города Москвы 21 декабря 2017 г. (2017) // Patriarchia.ru // <http://www.patriarchia.ru/db/text/5085962.html>, дата обращения 18.08.2018.

10 В это общее число входили 197 храмов и 27 часовен при светских учреждениях.

лой вовлеченности которой в реальную православную жизнь уже говорилось. При этом, как указывал Патриарх Кирилл на Архиерейском Соборе в декабре 2017 г., «для молодежи, более чем для какой-либо другой возрастной группы¹¹, важна идея о том, что христианство – религия свободы, а не религия запретов, кроме запрета греха, и что те или иные предлагаемые христианину самоограничения нужны лишь потому, что помогают нам обрести полноту жизни и осознать, что есть подлинная любовь, которая не пресекается окончанием физической жизни, но переходит в вечность». Это – одна из сложнейших задач (как, в частности, приглашая молодежь к диалогу и используя ее язык, не утратить церковную каноничность?), и ее решение вряд ли может быть успешным в опоре только на комплекс создаваемых в РПЦ институтов работы с молодежью (например, епархиальных молодежных съездов и советов).

В пространстве канонической ответственности РПЦ в разных странах действуют 56 духовных академий и семинарий, в которых с учетом регентских и иконописно-реставрационных отделений по очной и заочной форме обучаются почти 14 000 студентов¹². Деятельность этих учебных заведений серьезно корректируется в связи с начатой реорганизацией институтов духовного образования.

Предпринимаются усилия по повышению качества подготовки клириков (в том числе и для стимулирования государственной аккредитации духовных учебных заведений) и, что особенно важно, подготовки и переподготовки преподавателей этих заведений. В конце 2016 г. Священный Синод утвердил «Положение о курсах повышения квалификации священнослужителей Русской Православной Церкви», а с 2018 г. начинается организация таких курсов во всех епархиях и митрополиях, с тем чтобы все клирики РПЦ за исключением имеющих ученую богословскую степень или достигших преклонного возраста проходили переподготовку не реже одного раза в семь лет¹³. Впервые признано необходимым установление образовательного ценза для решения вопроса о хиротониях в сан диаконов и иереев. Начата беспрецедентная по масштабу и задачам работа обновления всех учебных пособий и учебников, что в значительной степени связано с разработкой нового Катехизиса РПЦ, ведущейся в обстановке дискуссий об изложении ряда его принципиальных положений и о статусе текста. Здесь отчетливо выявились как накопленные проблемы состояния и развития современной богословской науки, так и необходимость определить ее место в системе наук как таковых. Можно слышать суждения о том, что последняя задача решена в связи с государ-

11 Это относится и к молодым людям, выросшим в семьях православных родителей. Патриарх Кирилл спрашивает: «Стали ли дети таких родителей православной молодежью? Помогали ли приходы таким детям и подросткам найти свое место в Церкви? Человеку, религиозный выбор за которого сделали родители, рано или поздно придется повзрослеть... принять самостоятельное мировоззренческое решение».

12 Постепенно прекратили существования некогда популярные духовные училища; немногие из них «переросли» в семинарии, а другие стали центрами по подготовке катехизаторской, социальной и иной деятельности.

13 Отдельный, специфический и никогда ранее не ставящийся вопрос – богословское образование монашествующих, о необходимости которого говорилось еще на Архиерейском Соборе 2013 г. Недавно был разработан Церковный образовательный стандарт по вопросам образования монашествующих и сопутствующие стандарту документы, ориентирующие на получение монашествующими лишь базовых богословских знаний (это, разумеется, не относится к кандидатам на игуменские должности или на получение священнического сана). Признается полезным организовать учебный процесс на территории самих монастырей, но как проводить учебу и аттестацию в среде со столь различным образованием, как совместить учебу с традицией духовничества, готовы ли игумены и игуменки к роли учителей?

ственным признанием теологии в качестве научной дисциплины и с ее включением в перечень научных специальностей.

Современное православие в светской России

Общество постепенно привыкает к присутствию священников и предметов православного культа не только в больницах и на телевидении, а православную икону можно увидеть во многих помещениях органов государственной и муниципальной власти. Православные священники становятся таким же воплощением государственной власти, как вооруженные силы и места заключения. Поначалу единичные факты такого рода становились поводами для активной полемики, но сейчас она почти не слышна, хотя перемены в этой сфере огромны. Так, по состоянию на 1 июня 2017 г. в штат органов военного управления Вооруженных сил России введено 266 должностей помощников командиров по работе с верующими военнослужащими. Должности укомплектованы духовными лицами традиционных религиозных объединений России, в том числе 259 представителями РПЦ (фактическая укомплектованность около 70%). Все они заключили соответствующие трудовые договоры с командованием частей, соединений, руководством высших военных учебных заведений и приступили к исполнению обязанностей помощников командиров по работе с верующими военнослужащими. На территориях воинских формирований или в непосредственной близости от них действуют 477 храмов и 98 часовен, оборудованы 52 молитвенные комнаты. Штатное военное духовенство проходит обучение на курсах повышения квалификации в высших учебных заведениях Минобороны России по 144-часо-

вой программе. В соответствии с приказом министра обороны России «Об организации работы с личным составом в Вооруженных силах Российской Федерации» (№ 655 от 12 октября 2016 г.) узаконено еженедельное проведение богослужений для верующих военнослужащих. Общее руководство верующими военнослужащими возложено на командира воинской части и его заместителя по работе с личным составом. Непосредственную ответственность за ее организацию и проведение несет штатный военный священник. В последнее время военные священники решают задачи пастырского окормления военнослужащих не только в условиях полевых учений, но и в боевых условиях, участвуя, например, в походах боевых кораблей, а также обеспечивая пастырское окормление военнослужащих российской группировки в Сирии, где в настоящее время оборудованы храм и часовня на авиабазе Хмеймим и храм в Тартусе. На базах несут свое служение два священнослужителя (обеспечена их ротация).

Не менее показательна новейшая организация тюремного служения РПЦ. На начало 2017 г. в учреждениях уголовно-исправительной системы действовало 601 храмов (на 76 храмов больше по сравнению с началом 2013 г.) и часовен, 314 молитвенных комнат и 57 храмов находились в стадии строительства. Введение института тюремного духовенства основывается на несении духовенством тюремного служения только на основе послушания, назначенного правящим архиереем, или и как епархиального послушания, и в качестве штатных сотрудников – гражданских служащих уголовно-исправительной системы. В начале 2017 г. общая численность тюремного духовенства составила 1019 чел.

Приведенные примеры иллюстрируют явления пока еще крайне редкие.

В армиях НАТО, для сравнения, один капеллан (офицер, в отличие от нашего войскового священника) приходится на батальон военнослужащих, то есть их священническая «оснащенность» в сотни раз больше. Тем не менее частные случаи отражают общую тенденцию сохранения отношений РПЦ и государственной власти в состоянии устойчивого равновесия. Но не стоит забывать, что это и результат открытого позиционирования первых лиц государства как воцерковленных православных верующих.

Современное православие и культура

Влияние русского православия на русскую культуру в наше время считается само собой разумеющимся, и практически каждый может назвать множество рассказов, повестей и романов, стихотворений и поэм, живописных полотен и изваяний, песен, романсов и опер, использовавших христианские образы и сюжеты, лексику и формы построения. Но присутствовать и влиять – не одно и то же: сложнейшие связи и расхождения русского православия и русской культуры – предмет особого исследования, и здесь, на ничтожном (по сравнению с масштабностью задачи) текстовом пространстве уместно ограничиться только констатацией примеров прямого свидетельства православия в произведениях современной литературы, музыки и изобразительного искусства.

Классическая русская литература в свое время дала миру множество произведений всех жанров, в которых православие представлено как повседнев-

ность, как привычный пейзаж, который не привлекает особого внимания, но в пространстве которого живет обычный русский человек¹⁴. В послереволюционный период нашей истории православие в русской литературе звучало (часто более отчетливо, чем до революции) в произведениях писателей-эмигрантов и (по крайней мере до 80-х гг.) было или порицаемо, или почти неслышимо в стихах и прозе писателей Советской России. Круг тех, кого называют современными православными писателями, включает десятки имен. Среди них – члены Союза писателей России (например, Н.В. Агафонов, Н.В. Блохин, В.И. Герасин, С.С. Козлов, А.А. Козырева, В.Н. Николаев, Е.А. Сорокин, А.А. Федотов, И.Н. Экономцев и др.), священнослужители и монахи (например, протоиерей Н.В. Агафонов, диакон Г.В. Максимов, священники Е.А. Сорокин, Н.А. Толстикова и И.Н. Экономцев, архимандрит Тихон, монахиня Евфимия Пащенко, рясофорный монах Всеволод Филиппов и др.) и миряне. Их стихи, рассказы, повести и романы относительно известны в общем-то мало читающим художественную литературу православным, посещающим церковные книжные лавки, и почти неизвестны широкой «читающей публике», но и здесь есть немногие исключения.

Неожиданностью для многих стал поистине массовый и заслуженный успех книги архимандрита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые»: она быстро разошлась более чем миллионным тиражом и если не привела читателей к православию, то уж наверняка приблизила их к пониманию естественности православной жизни. Замечательна читательская судьба книг священника Я.А. Шипова («Долгота дней»,

¹⁴ Может быть, поэтому в пространстве двух известнейших русских романов ни разу не молятся ни Обломов, ни герои «Обыкновенной истории»?

«Райские хутора» и других) – писателя огромного таланта и мастера «короткой прозы», еще в советское время ставшего лауреатом премий имени А.М. Горького, ЦК ВЛКСМ, Союза писателей СССР и Госкомиздата СССР. Хорошо читаются родителями и детьми многочисленные сказочные произведения Ю.Н. Вознесенской. Внимание читателей и критиков недавно было привлечено к роману филолога и специалиста по Древней Руси Е.Г. Водолазкина «Лавр», отмеченному престижной литературной премией «Большая книга». Это увлекательное и насыщенное множеством интереснейших исторических фактов повествование православного автора о невероятной (но вполне реальной) судьбе Лавра – православно-го человека, жившего несколько веков назад и обладавшего даром целительства. ««Лавр» – это безусловно православный роман, но он никого не душит своим православием и оставляет место для вопросов тем, кто в вере сомневается»¹⁵.

Одной из вершин современной православной культуры стали книги гениального филолога и библиста, философа и историка культуры, авторитетнейшего исследователя античной, средневековой и современной литературы, переводчика и поэта С.С. Аверинцева. Написав сотни научных трудов, он никогда не называл себя поэтом (да и вообще литератором), хотя все созданное им излагалось блестящим литературным стилем и не допускало сомнений в авторской искренности и достоверности. Ближе к концу недолгой жизни С.С. Аверинцева вышла потрясающая книга его стихов [Аверинцев,

2003]. Замечательны поэзия и проза О. Николаевой, обращенные к массовому читателю при глубине мысли и постоянных (прямых и скрытых) отсылках к сакральным текстам. Все написанное О. Николаевой выделяется из общего ряда современной литературы отточенностью и одновременно естественностью языка, непохожей ни на кого серьезностью мысли без какого бы ни было авторского тщеславия, мастерской отделкой стиха и прозы и, главное, тем, что они свободно располагаются в мире православного христианства, ни разу не подчеркивая этого. Ее стихи искусны, но не искусственны, ее поэтический словарь безграничен, а акцентник – безупречен и музыкален. Замечателен мудрый и трогательный роман в стихах «Августин», написанный свободным русским стихом с неповторимой авторской интонацией.

В современной культуре все более заметно присутствие русской православной музыки – музыкального компонента богослужения в храмах РПЦ (здесь есть отличие от музыки, звучащей в костелах и кирхах, своей неинструментальностью: она суть только церковное пение¹⁶) и музыки, близкой по форме или по содержанию к богослужебной, но предназначенной для внецерковного исполнения. Свообразна и примечательна религиозно наполненная музыка композиторов (в том числе – представителей музыкального авангарда), обратившихся к ее созданию в советское время воинствующего атеизма. С одной стороны, даже формальное внесение религиозного, говоря современным языком, контента в крупные музыкальные сочинения «оттепельного» и последующих пе-

15 Склад Ю. (2014) Евгений Водолазкин: «Времени нет!». Интервью с писателем // Читаем вместе. № 7(96) // <http://chitaem-vmeste.ru/interviews/evgenij-vodolazkin-vremeni-net-int>, дата обращения 18.08.2018.

16 В современном православном храме поют все: хор и прихожане, диаконы и чтецы; давняя церковная традиция требует особой мелодики и ритмики чтения Библии, апостольских посланий, молитв и вообще всего, что положено читать в ходе богослужения, да и церковнославянский язык сам по себе – музыка.

риодов, даже более чем вольная интерпретация канонических текстов и традиционно-религиозного мелоса (немногие известные мне исключения – Первая симфония – Реквием оклеветанного А.Л. Локшина на текст «Dies irae» и «Апокалипсис» О.Г. Янченко) были прорывом сети атеистического «искусства для народа» и так и воспринимались немногочисленными слушателями. Отказ создателей религиозно-содержательной музыки (среди них С.А. Губайдулина, М.Г. Коллонтай, Н.Н. Каретников, А.Л. Локшин, В.В. Сильвестров, С.С. Слонимский, Г.И. Уствольская, А.Г. Шнитке) от идеологического официоза воплотился не в песенках бардов, которым было достаточно «взяться за руки» со своими поклонниками на домашней кухне или вокруг лесного костра, а в крупных сочинениях, наивно рассчитанных на частое оркестровое исполнение в концертных залах. Напомню в связи с этим, что в 1980 г. была создана замечательная Вторая симфония «St. Florian» А.Г. Шнитке, в 1988 г. – Шестая («Литургическая») симфония А.Я. Эшпая, в 1979–1990 гг. одночастные Вторая («Истинное и вечное блаженство»), Третья («Иисусе Мессия, спаси нас»), Четвертая («Молитва») и Пятая («Аминь») симфонии Г.И. Уствольской – прекрасного, но к сожалению, мало исполняемого композитора, – и все это лишь частные примеры.

Классическим примером русской православной музыки, не ориентированной на исполнение в храмах, стали творения нашего великого современника Г.В. Свиридова, в том числе восстановленная А.О. Висковым «Пасха красная» и, конечно же, хоры из «Песнопений и молитв» – уникального сплава

музыкальной богослужебной традиции с глубоко личностным переживанием предстояния Богу. С конца 80-х гг. прошлого века религиозная жизнь в стране вышла из советских «катакомб», и появилась возможность открыто позиционировать себя в качестве православных композиторов¹⁷. Избранный ими путь к православию более чем осознан, они прекрасно образованны, и их творчество вообрало не только профессионально освоенную традицию, но и все музыкальные новации XX и XXI вв. Сейчас музыка православных композиторов звучит в крупнейших концертных залах страны, распространяется в Интернете и на компакт-дисках, и поэтому я позволю себе назвать лишь несколько имен и сочинений.

Замечательны и всегда находят восторженный прием у слушателей произведения одного из выдающихся православных композиторов нашего времени А.О. Вискова, прекрасна духовная музыка В.Б. Довганя, в том числе предназначенная одновременно для исполнения и в храмах, и в концертных залах, жанрово разнообразна музыка А.И. Микиты: здесь и свежее звучание хорошо знакомых всем верующим богослужебных песнопений, и произведения для концертного исполнения. Столь же разнообразны по назначению, но неизменно проникнуты православным мироощущением и соответствующим образом интонированы хоровые произведения М.О. Малевича, написанные не только на богослужебные тексты, но и на стихи русских поэтов. И это – лишь отдельные примеры.

В современной православной музыке особое место занимают сочинения митрополита Илариона (Алфее-

17 Подтверждением этого, в частности, служит специальный сайт «Церковный композитор» с отдельными страницами для каждого из таких композиторов (биографические справки, перечни произведений, их ноты, аудио- и видеозаписи) и в ряде случаев – исполнителей их произведений; на этом же сайте размещены соответствующие музыковедческие материалы. Из числа известных священников, регентов и членов Союза композиторов России сформирован и действует экспертный совет сайта.

ва). В 2006 г. впервые прозвучала только что созданная епископом (в то время) Иларионом «Божественная литургия», написанная не просто композитором, а священником, соответствующая прямому назначению главного православного богослужения и свободная от неуместной «оперности», привнесенной в литургическую музыку композиторами XIX в. Вслед за этим епископ Иларион создал музыкально и, главное, духовно-содержательно связанную с ней композицию «Всенощное бдение». Если «Литургия» и «Всенощная» епископа Илариона при всей их новизне являются образцами канонических церковных сочинений, то два других сочинения – «Страсти по Матфею» и «Рождественская оратория» ассоциируются, во-первых, с западно-христианской традицией, и во-вторых, с концертным исполнением, ориентированным на типичную консерваторскую публику. Гармоничное сочетание западной и православной традиций в сочинениях епископа русской православной Церкви могло бы смутить особо ревностных поборников «чистой веры», и поэтому столь существенным было направленное и зачитанное перед началом исполнения «Оратории» послание патриарха Алексия II: явный знак благоволения к новой православной музыке. Подтверждением редкого таланта митрополита Илариона стали и симфония для хора и оркестра «Песнь восхождения» (2008), и «Concerto grosso» для двух скрипок, альты, виолончели, клавирина и струнного оркестра (2011), и другие сочинения композитора, в том числе музыка храмовой секвенции «Stabat Mater» для солистов, хора и оркестра (2009)¹⁸. Сочинения митрополита Илариона заслуженно входят в число наиболее из-

вестных и исполняемых во всем мире произведений знаменитых композиторов, позиционирующих себя как людей искренней православной веры. Таковы, прежде всего, С.А. Губайдулина, Арво Пярт и недавно скончавшийся сэр Джон Тавенер.

Даже то немногое, что было сказано о русской православной музыке, позволяет без какого-либо уныния смотреть в ее будущее. Во-первых, у нее есть собственный дом – церковь, где до Судного дня будут звучать православные песнопения: старинные, сегодняшние и завтрашние. Во-вторых, всегда будут замечательные композиторы, которые будут писать для Православной Церкви и даже при создании светских (по содержанию и по форме) сочинений привносить в них православное мировидение. И в-третьих, русское православие уже создало такой океан собственных смыслов сюжетов и мелоса, из которого черпать – не вычерпать, и которому море «потребительской» музыки (в том числе, паразитирующей на христианской лексике и на христианских сюжетах) совсем не конкурент.

Особый пласт современной православной культуры представлен в необычайно разнообразной светской живописи музеев и частных собраний. Шедевры такой живописи наиболее известны по полотнам И.И. Крамского, В.И. Сурикова, В.Д. Поленова, Н.С. Гончаровой, М.В. Нестерова, П.Д. Корина, а из современных художников, прежде всего, З.К. Церетели, Г.М. Коржева, И.С. Глазунова и мастеров его школы. Но в действительности круг блестящих художников, постоянно работающих в сфере православной живописи, гораздо шире. Среди них особое место занимает Е.И. Черкасова, живопись и гра-

18 Stabat Mater dolorosa – «Стояла Мать скорбящая», католический богослужебный гимн. Текст, приписываемый монаху-францисканцу, включает 20 трехстрочных строф. В литургических книгах зафиксирован ряд мелодий этой секвенции.

фика которой – проповедь апостольских времен, когда истины христианства провозглашались и воспринимались «без лукавства». Е.И. Черкасова создает православное искусство, потрясающее своим минимализмом и детской наивностью, лишенное иконографической подражательности и слезливо-умилительных интонаций квазирелигиозных картин и рисунков. Искусство Е.И. Черкасовой при небольшом формате большинства ее работ производит ощущение фресковой монументальности, и оно невероятно красивое. Тому подтверждение – неоднократно выставлявшиеся и репродуцированные «Юность Давида», «Воскресение Христа», «Христос и самарянка» и многие другие работы художницы.

В современную религиозную живопись (как и в предреволюционные годы) многие художники, особенно молодые, привносят новации художественного языка последнего столетия. В этом отношении широко известны, в частности, работы В.А. Провоторова – представителя русского виженари арт, который в 1980–1990-х гг. был членом нонконформистской группы «Двадцать московских художников», затем стал одним из лидеров современной религиозно-мистической живописи, а ныне – протоиереем и настоятелем православного храма. Получила заслуженную известность религиозная живопись О. Королева, которую сам художник называет «созерцательным реализмом» и в которой критики усматривают к тому же признаки позднего сюрреализма и новейшего виженари арт. Его картины полны потаенной энергии и светлого религиозного чувства, их эстетика обращена к людям миллениума в России и Западной Европе, в Америке и Австралии. Замечательна религиозно-мистическая живопись В. Харитоновна, к которой он пришел от театрально-декоративной (работа в московском

Малом театре) с переносом некоторых ее особенностей в станковые картины, которые исполнены приглушенного сияния, а персонажи его полотен окружены мерцанием пуантилистически выписанных деталей. В среднем только в выставочном пространстве Москвы ежегодно демонстрируется несколько сотен работ, отсылающих к православному видению земного и сакрального пространства.

* * *

Современный период русского православия уникален соединением традиции и многочисленных новаций, расширения деятельности институтов РПЦ (беспрецедентный рост храмового строительства, числа епархий и численности клира) и стабильной численности воцерковленных мирян, неукоснительного следования конституционным основаниям светскости государства и все более активного участия РПЦ в сфере деятельности государственных и муниципальных структур. При этом русское православие, легализованное около тридцати лет назад, функционирует в среде, ценности которой во многом противоположны традиционным, и это становится одной из главных проблем и клира, и рядовых верующих. Кроме того, русское православие сосуществует с реальными религиозными конкурентами – с активно развивающимися инославием и иноверием, с новыми религиозными движениями. Не следует преувеличивать и устойчивость благожелательного отношения власти к РПЦ, что ныне в значительной степени определяется позицией первых лиц государства. Все это формирует недостаточно прогнозируемое развитие ситуации на проблемном поле бытования русского православия, от чего в значительной степени будет зависеть состояние нашего общества.

Список литературы

Аверинцев С. (2003) Стихи духовные. 2-е изд. Киев: Дух и Літера.

Каарияйнен К., Фурман Д. (1997) Верующие, атеисты и прочие (эволюция российской религиозности) // Вопросы философии. № 6. С. 35–53.

Каарияйнен К., Фурман Д.Е. (ред.) (2001) Старые церкви, новые верующие. Религия в массовом сознании постсоветской России. М.: Летний сад.

Коваль Т.Б. (2015) Личность и смысл жизни в русской православной традиции // Шкаратан О.И., Лексин В.Н., Ястребов Г.А. (ред.) Россия как цивилизация: материалы к размышлению. М.: Редакция журнала «Мир России». С. 191–237.

Лункин Р. (2008) «Русские» регионы России: степень православности и политические ориентации // Социологические исследования. № 4. С. 27–37.

Лункин Р. (1) (2013) Изменение религиозной ситуации в российских регионах в зеркале полевых исследований // Лебедев С.Д. (ред.) Социология религии в обществе позднего модерна: Сб. статей. Белгород: НИУ БелГУ, ИД «Белгород». С. 273–295.

Лункин Р. (2) (2013) Инославные христиане на карте России: вера в Бога в постправославной стране // Гончаров О.Ю., Шалобина И.А. (ред.) Секуляризм и религиозная свобода – противостояние или партнерство. М.: Центр по изучению проблем религии и общества Институт Европы РАН. С. 186–208.

Лункин Р.Н., Филатов С.Б. (2005) Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. № 6. С. 35–45.

Лункин Р.Н., Филатов С.Б. (2011) Статистика религиозной и конфессиональной принадлежности россиян: каким аршином мерить // Фила-

тов С.Б. (ред.) Религия и российское многообразие. М.: Кестонский институт, Летний сад. С. 5–30.

Льюис К.С. (2006) Христианство и культура // Льюис К.С. Пока мы лиц не обрели. СПб.: Библиополис. С. 239–249.

Синелина Ю.Ю. (2006) Изменение религиозности населения России: православные и мусульмане: суеверное поведение россиян. М.: Наука.

Черняков А.А. (ред.) (2003) Десять лет социологических наблюдений. М.: ФОМ.

Чеснокова В.Ф. (2000) Воцерковленность. Феномен и способы его изучения. М.: ФОМ.

Чеснокова В.Ф. (2005) Тесным путем: процесс воцерковления России в конце XX века. М.: Академический проект.

Элбакян Е.С. (1996) Религия в сознании российской интеллигенции XIX – начала XX вв. (Философско-исторический анализ). М.: РОССПЭН.

Элбакян Е.С. (2009) Справедливость в христианском мире // Труд и социальные отношения. № 4. С. 30–35.

Элбакян Е.С. (2012) Религиозная мотивация и духовно-этическое обоснование трудовой деятельности (на примере христианских конфессий) // Труд и социальные отношения. № 2. С. 24–40.

Элбакян Е.С. (2013) Религия в мире повседневности // Труд и социальные отношения. № 1. С. 90–103.

Элбакян Е.С. (2014) Религии России. Словарь-справочник. М.: Энциклопедия.

Kaariainen K. (1998) Religion in Russia after the Collapse of Communism, Lewiston, New York: The Edwin Mellen Press.

Lunkin R. (2003) Социальное служение Русской Православной Церкви в постсоветском обществе // Orthodox Christianity and Contemporary Europe (eds. Sutton J., Wil van den Bercken), Leuven-Paris-Dudley: Peeters, pp. 271–287.

Russian Experience

Russian Orthodoxy Nowadays

Vladimir N. LEKSIN

DSc in Economics, Professor, Chief Research Fellow, Institute for Systems Analysis of the Federal Research Center “Informatics and Management”, Russian Academy of Science. Address: 9, 60-letiya Oktyabrya Av., Moscow, 117312, Russian Federation. E-mail: leksinvn@yandex.ru

CITATION: Leksin V.N. (2018) Russian Orthodoxy Nowadays. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 4, pp. 65–82 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-4-65-82

ABSTRACT. *Russian Orthodoxy is one of the most mythologized and difficult for scientific research fragments of modern Russia's social life. Thus, the statements still exist on the universal Orthodoxy of the Russian people, because the State statistics does not really characterize a condition of the population or its different groups religiosity (rare exception is few indicators in the reports on periodical population census). Moreover, the researcher constantly faces polar estimates of the same situations in Russian Orthodoxy, both in publications of its irreconcilable opponents and apologists, while analysis of dichotomy “religiosity/secularism” often goes beyond the boundaries of scientific discussions. At the same time these difficulties shouldn't be overestimated. Splendid works by domestic sociologists have emerged that characterized actual religiosity of our contemporaries, formation of Church statistics has begun, reliable information on real events in Orthodox life have begun to be published regularly in the materials of cathedral and diocesan assemblies, Orthodox mass-media are becoming more and more informative and analytical (including Internet) and so on. Euphoria in connection with religious life legalization in Russia is passing off, the attitude to what is taking place in the sphere of Russian Orthodox Church (ROC) – the clergy and laity – is becoming*

more realistic, while problematic situations are becoming an object of open discussions and for the most part of them appropriate solutions are being found. Along with all the unshakeable fundamentals of Orthodoxy, dynamism of modern Orthodoxy life is very high, as it is shown in the article. Russian Orthodoxy goes far and in various ways beyond Church boundaries. In the article an attempt is made to throw light on just several aspects of this phenomenon. These are estimates of a number of people leading an Orthodox way of life, parameters of rapid expansion of Church institutions and increase of the clergy number, innovations in Church education, ROC's attitude to non-Orthodoxy and adherence to different faith, problems of real separation of Church and State and the place of Orthodoxy in modern culture. ROC's role in social and political life of Russia is clearly in contrast with the situation in a number of Western countries and it seems to be one of significant but unfortunately, weakly accented problems of modern political analysis.

KEY WORDS: *Russian Orthodoxy, believers, clergy, non-Orthodoxy, adherence to different faith, state power, culture*

References

- Averintsev C. (2003) *Stikhi dukhovnye* [Spiritual Verses]. 2 ed., Kiev: Dukh i Litera.
- Chernyakov A.A. (ed.) (2003) *Desyat' let sotsiologicheskikh nablyudenij* [Ten Years of Sociological Observations], Moscow: FOM.
- Chesnokova V.F. (2000) *Votserkovlenost'. Fenomen i sposoby ego izucheniya* [Church Attachment. Phenomenon and Ways of Studying It], Moscow: FOM.
- Chesnokova V.F. (2005) *Tesnym putem: protsess votserkovleniya Rossii v kontse XX veka* [In a Close Way: the Process of Churching in Russia at the End of the 20th Century], Moscow: Akademicheskij projekt.
- Elbakyan E.S. (1996) *Religiya v soznanii rossijskoj intelligentsii XIX – nachala XX v. (Filosofsko-istoricheskij analiz)* [Religion in the Minds of the Russian Intelligentsia of the Nineteenth and Early Twentieth Centuries (Philosophical-historical Analysis)], Moscow: ROSSPEN.
- Elbakyan E.S. (2009) *Spravedlivost' v khristianskom mire* [Justice in the Christian World]. *Trud i sotsial'nye otnosheniya*, no 4, pp. 30–35.
- Elbakyan E.S. (2012) *Religioznaya motivatsiya i dukhovno-eticheskoe obosnovanie trudovoj deyatel'nosti (na primere khristianskikh konfessij)* [Religious Motivation and Spiritual and Ethical Justification of Work (on the Example of Christian Faiths)]. *Trud i sotsial'nye otnosheniya*, no 2, pp. 24–40.
- Elbakyan E.S. (2013) *Religiya v mire povsednevnosti* [Religion in the World of Everyday Life]. *Trud i sotsial'nye otnosheniya*, no 1, pp. 90–103.
- Elbakyan E.S. (2014) *Religii Rossii. Slovar'-spravochnik* [Religions of Russia. Dictionary], Moscow: Entsiklopediya.
- Kaariainen K. (1998) *Religion in Russia after the Collapse of Communism*, Lewiston, New York: The Edwin Mellen Press.
- Kaariainen K., Furman D. (1997) *Veruyushchie, ateisty i prochie (evolyutsiya rossijskoj religioznosti)* [Believers, Atheists, and Others (the Evolution of Russian Religiosity)]. *Voprosy filosofii*, no 6, pp. 35–53.
- Kaariainen K., Furman D.E. (eds.) (2001) *Starye tserkvi, novye veruyushchie. Religiya v assovom soznanii postsovetskoy Rossii* [Old Churches, New Believers. Religion in the Mass Consciousness of Post-soviet Russia], Moscow: Letnij sad.
- Koval' T.B. (2015) *Lichnost' i smysl zhizni v russkoj pravoslavnoj traditsii* [Personality and Meaning of Life in the Russian Orthodox Tradition]. *Rossiya kak tsivilizatsiya: materialy k razmyshleniyu* [Russia as a Civilization: Readings for Reflections] (eds. Shkaratan O.I., Laksin V.N., Yastrebov G.A.), Moscow: Redaktsiya zhurnala «Mir Rossii», pp. 191–237.
- Lewis C.S. (2006) *Khristianstvo i kul'tura* [Christianity and Culture]. Lewis C.S. *Poka my lits ne obreli* [Till We Have Faces: A Myth Retold], Saint Petersburg: Bibliopolis, pp. 239–249.
- Lunkin R. (2003) *Sotsial'noe sluzhenie Russkoj Pravoslavnoj Tserkvi v postsovetskom obshchestve* [Social Service of the Russian Orthodox Church in the Post-Soviet Society]. *Orthodox Christianity and Contemporary Europe* (eds. Sutton J., Wil van den Bercken), Leuven-Paris-Dudley: Peeters, pp. 271–287.
- Lunkin R. (2008) “Russkie” regiony Rossii: stepen' pravoslavnosti i politicheskie orientatsii [“Russian” Regions of Russia: the Degree of Orthodoxy and Political Orientations]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 4, pp. 27–37.
- Lunkin R. (1) (2013) *Izmenenie religioznoj situatsii v rossijskikh regionakh v zerkale polevykh issledovanij* [The Change of Religious Situation in the Russian Regions in the Mirror of Field Research]. *Sotsiologiya religii v obshchestve pozdnego moderna: Sb. statej* [Sociology of Religion in the Late Modern Society: a Collection

of Articles] (ed. Lebedev S.D.), Belgorod: NIU BelGU, ID “Belgorod”, pp. 273–295.

Lunkin R. (2) (2013) Inoslavnye khristiane na karte Rossii: vera v Boga v postpravoslavnoj strane [Non-Orthodox Christians on the Map of Russia: Faith in God in a post-Orthodox Country]. *Sekulyarizm i religioznaya svoboda – protivostoyanie ili partnerstvo* [Secularism and Religious Freedom Are Confrontation or Partnership] (eds. Goncharov O.Yu., Shalobina I.A.), Moscow: Tsentr po izucheniyu problem religii i obshchestva Instituta Evropy RAN, pp. 186–208.

Lunkin R.N., Filatov S.B. (2005) Statistika rossijskoj religioznosti: magiya tsifr i neodnoznachnaya real’nost’ [Statistics of Russian Religiosity: the Magic of Numbers

and Ambiguous Reality]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 6, pp. 35–45.

Lunkin R.N., Filatov S.B. (2011) Statistika religioznoj i konfessional’noj pri-nadlezhnosti rossiyan: kakim arshinom merit’ [Statistics of the Religious and Confessional Identity of Russians: How to Measure]. *Religiya i rossijskoe mnogoobra-zie* [Religion and Russian Diversity. Scientific] (ed. Filatov S.B.), Moscow: Keston-skij institut, Letnij sad, pp. 5–30.

Sinelina Yu.Yu. (2006) *Izmenenie religioznosti naseleniya Rossii: pravoslavnye i musul’mane: suevernoe povedenie rossiyan* [Change in the Religiosity of the Population of Russia: Orthodox and Muslims: Superstitious Behavior of Russians], Moscow: Nauka.